

ФОРМУЛА ДОВЕРИЯ С НЕСКОЛЬКИМИ НЕИЗВЕСТНЫМИ

Юрий Афанасьевич Шарандин – председатель Комитета по конституционному законодательству Совета Федерации ФС РФ, председатель Комиссии по конституционному законодательству и государственному строительству президиума Ассоциации юристов России. Сегодня мы публикуем ответы Юрия Афанасьевича на вопросы нашего журнала.

– Прежде всего – вопрос, который мы задаем всем нашим собеседникам: каковы, на ваш взгляд, перспективы внедрения медиации в России?

– Схема урегулирования споров с помощью медиации, конечно, выглядит заманчиво. Но мне представляется, что медиацию в России ждут весьма сложные времена. Я отдаю себе в этом отчет, хотя в моем лице вы имеете самого активного сторонника этой новой формы разрешения споров в досудебном порядке. Просто я предпочитаю сразу внимательно рассматривать трудности, чтобы потом не тратить на их преодоление дополнительных усилий.

Одно из основных препятствий, стоящих на пути внедрения медиации в России, на мой взгляд, связано с привычками бизнесменов. Их установки зачастую просты: зачем тратить время на достижение соглашения, если можно решить проблему силовым методом? Тут ничего не поделаешь,

востребованность медиации в обществе обратно пропорциональна уровню коррупции. Хотя подобный подход («кто сильнее – тот и прав») вряд ли можно назвать близким российскому менталитету. Нам все-таки ближе пословица о том, что худой мир лучше доброй ссоры. И потому я твердо убежден, что медиация (так же как и иные виды досудебного разрешения споров) рано или поздно должна, так сказать, войти в моду.

Да, обойтись в жизни без конфликтов нельзя, но выходить из них без взяток, войны «крыш» и других подобных способов – это вполне возможно. Потому появление института медиации надо всячески приветствовать и способствовать его внедрению в российскую действительность. Более того: формирование правильного отношения общества к медиации, на мой взгляд, в России должно идти даже немного впереди развития самого института медиации.

Но следует напомнить, что и сейчас в распоряжении спорящих сторон имеются достаточно

фото | Александр ПУГГА

действенные инструменты для внесудебного урегулирования. Все, кто говорит о медиации, указывают, что при спорах юридические лица могут воспользоваться положениями статьи 135 Арбитражного процессуального кодекса, которая описывает действия по подготовке дела к судебному разбирательству. В пункте втором этой статьи прямо сказано, что судья разъясняет сторонам их право передать спор на разрешение третейского суда, право обратиться за содействием к посреднику в целях урегулирования спора. Судья также разъясняет последствия совершения таких действий и принимает меры для заключения сторонами мирового соглашения, содействует примирению сторон. Это положение надо рассматривать в прямой взаимосвязи с нормами статьи 134 АПК, где определяется срок подготовки дела к судебному разбирательству. На подготовку дела к судебному разбирательству отводится срок, не превышающий двух месяцев со дня поступления заявления в арбитражный суд. При этом должно быть проведено предварительное судебное заседание (если, конечно, в соответствии с АПК не установлено иное). То есть, при любых обстоятельствах у спорящих сторон есть два месяца в самом начале спора, чтобы прибегнуть к медиации, не останавливая процесс подготовки к судебному разбирательству. Подчеркиваю, им не нужно даже останавливать судебные процедуры.

Для подтверждения этого факта достаточно обратиться к статье 158 АПК «Отложение судебного разбирательства». Пункт 2 устанавливает, что арбитражный суд может отложить судебное разбирательство по ходатайству обеих сторон в случае их обращения за содействием к суду или посреднику в целях урегулирования спора. Следовательно, стороны вправе подавать или не подавать ходатайства об отложении разбирательства. Все зависит от того,

насколько стороны стремятся разойтись мирно. Значит, процесс медиации может идти параллельно и при этом весьма существенно влиять на желание сторон продолжать судиться. Указываю на это мимоходом, поскольку здесь уже напрашивается разговор о законодательном регулировании медиации, а это очень объемная и самостоятельная тема.

Так или иначе, само наличие в базовом договоре пункта о том, что стороны готовы прибегнуть к медиации и при этом не собираются использовать процесс медиации для затягивания конфликта, будет ясно характеризовать намерения сторон.

Другая трудность, с которой может столкнуться медиация в России, — дешевизна нашего судебного процесса. Можно судиться годами, оттягивая решение вопроса любыми доступными способами и не затрачивая критических сумм. А потом еще можно оттягивать исполнение судебного решения. Думаю, и эти аспекты должны быть учтены при разработке законопроектов о медиации. А ведь это уже дело ближайшего будущего.

— Действительно, законодательство о медиации — тема, которой мы со временем посвятим отдельный разговор, а пока, продолжая вашу мысль, не могу не задать вопрос: посредничество и медиация — понятия совершенно совпадающие?

— Совпадающие. Но о степени совпадения надо говорить отдельно. Кстати, некоторые современные словари дают однозначный перевод слова «mediation» как «посредничество». Другие в качестве синонима приводят слово «conciliation», которое в юридическом смысле означает примирение сторон. Американские организации,

занимающиеся вопросами медиации (например, U.S. Equal Employment Opportunity Commission), указывают на то, что медиатор только способствует сближению позиций спорящих сторон, но сам не предлагает готовые рецепты примирения.

В беседах с российскими коллегами, напротив, высказывалось мнение, что медиатор должен выработать собственную позицию и приводить к ней участников процесса. Но здесь ему уже не обойтись без высочайшего авторитета и высокой общественной репутации.

Впрочем, думаю, пока еще о таких вещах говорить рано. Важно уже то, что российское законодательство содержит институт посредничества. Значит, его надо развивать. И не менее важно — обнаружить те области деловой (общественной, семейной, профессиональной) жизни, где медиация уже сейчас востребована. А практика уже сама выработала подходы, традиции, обычаи.

Например, безусловно необходимым представляется освоение медиации теми субъектами права, которые имеют дело с зарубежными партнерами, поскольку эта практика за рубежом распространена весьма широко. В противном случае они будут восприниматься как партнеры, не вполне знающие традиции делового оборота. В этих случаях наши предприятия вынуждены принимать смысл медиации так, как его принимают зарубежные контрагенты, поскольку те имеют больший опыт и уже выработали свое понимание предмета.

Должен отметить, что, по сведениям, например, американских источников, при проведении исследований действенности процедуры медиации более 90 процентов опро-

шенных дали ответ, что удовлетворены, и примерно столько же оказались готовы еще раз прибегнуть к медиации, если в этом возникнет необходимость.

Вполне востребованной выглядит медиация и в разрешении семейных споров (особенно в связи с появлением брачных контрактов). Эта сфера, видимо, проще — поэтому и предложений на эту тему гораздо больше. Здесь слово «медиация» уже вошло в моду. Кстати, в университетах ФРГ курс медиации при разрешении семейных конфликтов введен с 1997 года, как факультатив при подготовке юристов. А пару лет назад в Германии насчитывалось уже более 500 таких

специалистов, для которых даже было придумано новое наименование профессии — Anwaltsmediatoren (адвокат в обычном варианте называется Rechtsanwalt).

Но вот для взаимоотношений между российскими физическими и юридическими лицами медиация — область почти неизвестная, ведь АПК (содержащий статью 135) был принят в 2002 году. Хотя должен заметить, что в проекте кодекса был прописан институт посредника, но этот пункт изъяли, так как он не нашел поддержки ни у ученых-процессуалистов, ни у практикующих юристов. Теперь нам придется наверстывать упущенное.

Кстати, к тому же периоду относится документ Еврокомиссии: предложения для директивы Европарламента и Совета Евросоюза об определенных аспектах медиации в гражданских и коммерческих делах. Европейцы уже тогда поняли, что при возникновении единой Европы, когда рабочая сила, капитал, товары и услуги начинают перемещаться свободно, но сохраняются национальные системы права, появилась необходимость широко практиковать внесудебные процедуры, чтобы не перегружать судебные системы европейских стран. Я думаю, что этот документ обязательно нужно опубликовать, причем не только

в переводе, но и в оригинале. (прим. ред.: перевод документата опубликован в книге «Медиация как метод внесудебного разрешения споров», а оригинал можно найти по ссылке на сайте научно-методического центра медиации и права www.mediacia.com)

Что же касается России, то необходимо остановиться еще как минимум на двух моментах. Первое — это трудности для возникновения медиативных отношений российских партнеров, которые связаны с особенностью нынешнего этапа нашей истории. Выдвижение на первый план силовых способов решения конфликтов, степень коррумпированности судебной системы (не будем повторяться) — все

фото | Александр ПУЛЯТА

фото | Александр ПУГЯТА

это не способствует стремлению мирно разрешать споры. Но положение обязывает! И вскоре, уверен, медиативный стиль поведения возобладает. Иначе разница между манерой взаимоотношений с зарубежными и внутренними партнерами станет слишком болезненной. В условиях глобализации и прихода на российский рынок иностранных инвестиций (когда «чисто российских» предприятий становится все меньше) подобные «двойные стандарты» представляются противоречащими логике развития России.

А второе — нам надо выработать собственное понимание медиации, влиять на выработку стандартов и обычаев медиативного рынка (ведь это такой же рынок услуг, как и все прочие). Причем придется это делать, учитывая глобальный характер наших связей, так же глобально (начиная, естественно, с направлений и стран, где наши связи наиболее активны).

Было бы полезно придать медиативным процессам в России более широкий характер. Если конкретный медиатор должен заниматься разрешением конкретного спора, то медиативное сообщество должно заниматься и аналитикой, выявляя потенциальные области споров, занимаясь, если хотите, профилактической работой.

— А применима ли медиация в других областях помимо бизнеса — например, во взаимоотношениях

власти и населения, работников и работодателей?

— На мой взгляд, в полном объеме — нет. Элементы медиации, такие как умение вести переговоры, знание психологии (но согласимся все-таки, что нужны разные психологические навыки для разрешения споров в бизнесе и трудовых коллективах) — конечно, требуются. Но главное — здесь иные субъекты правоотношений. Власть и население не партнеры. Поэтому интересы населения можно только отстаивать, заставляя власть действовать в рамках принятых законов. А для этого существуют адвокаты и — в случае удачи — мировое соглашение. То же относится и к отношениям работников и работодателей.

Кстати, один из принципов медиации — добровольность. Кто-нибудь видел власть или работодателя, которых не надо было бы заставлять вступать в переговоры?

Поэтому, что называется, «для чистоты жанра» не следует применять термин «медиация» к взаимоотношениям власти и общества, а равно к трудовым конфликтам.

— Безусловно, нельзя обойти молчанием вопрос о качествах, которыми должен обладать медиатор.

— Мы снова должны «плясать от нашей печки». Все согласны

с тем, что медиация процесс добровольный, конфиденциальный, ведущий к мирному и справедливому разрешению спора. В результате медиации между сторонами не должно возникать антагонизма. Так вот, на первое место в России я бы поставил умение хранить чужие тайны. Причем навсегда! Независимо от меняющейся обстановки. Иначе могут появиться в продаже и такие базы данных — со сведениями из процессов медиации. Медиатор ведь не государство (сохраняющее от чужих глаз налоговые сведения) и не организация (берегущая банковскую тайну), он — личность. А это иной уровень доверия!

Значит, медиаторами могут быть люди, которым стороны доверяют абсолютно. Сразу возникает цепь вопросов: а могут быть помощники у медиатора? А государство может иметь доступ к этой информации? А доступ в рабочие помещения медиатора — кто его может иметь? Выходит, защита этого вида информации может быть сравнима с защитой адвокатской тайны?.. Но извините, увлекся. Это ведь все больше к вопросу о будущем законе. Но так или иначе, принцип максимальной надежности медиатора я ставлю на первое место.

На второе место я ставлю профессионализм. Специализация для медиатора неизбежна. Понимание сути спора, знание нормативных ак-

тов, регулирующих спорные правоотношения, знание тенденций развития данной отрасли и т.д., в общем, все, что может включать понятие «профессионализм».

А на третье место, пожалуй, следует поставить владение иностранными языками. Ведь медиация — это в первую очередь коммуникация. Человеческое общение. Следовательно, медиатор должен не просто изъясняться на том или ином языке, но владеть им в совершенстве. Не в последнюю очередь это нужно и для усвоения и нормативной базы другого государства. Ведь мир становится все теснее, и, например, в Европе уже нет границ для перемещения рабочей силы, товаров и услуг. Поэтому полагаю, что это требование будет все сильнее выходить на первый план. А иначе для переговоров всегда будет требоваться штат переводчиков, обладающих не меньшим авторитетом, чем сам медиатор.

— Как вы думаете, насколько будет востребовано специальное издание (я имею в виду наш журнал), которое будет заниматься вопросами медиации?

— Как площадка для дискуссий, обмена информацией, обобщения опыта — безусловно, такое издание востребовано. Надо ожидать, что со временем появятся и другие аналогичные издания. Ну а первым всегда трудней, зато и интересней! ●

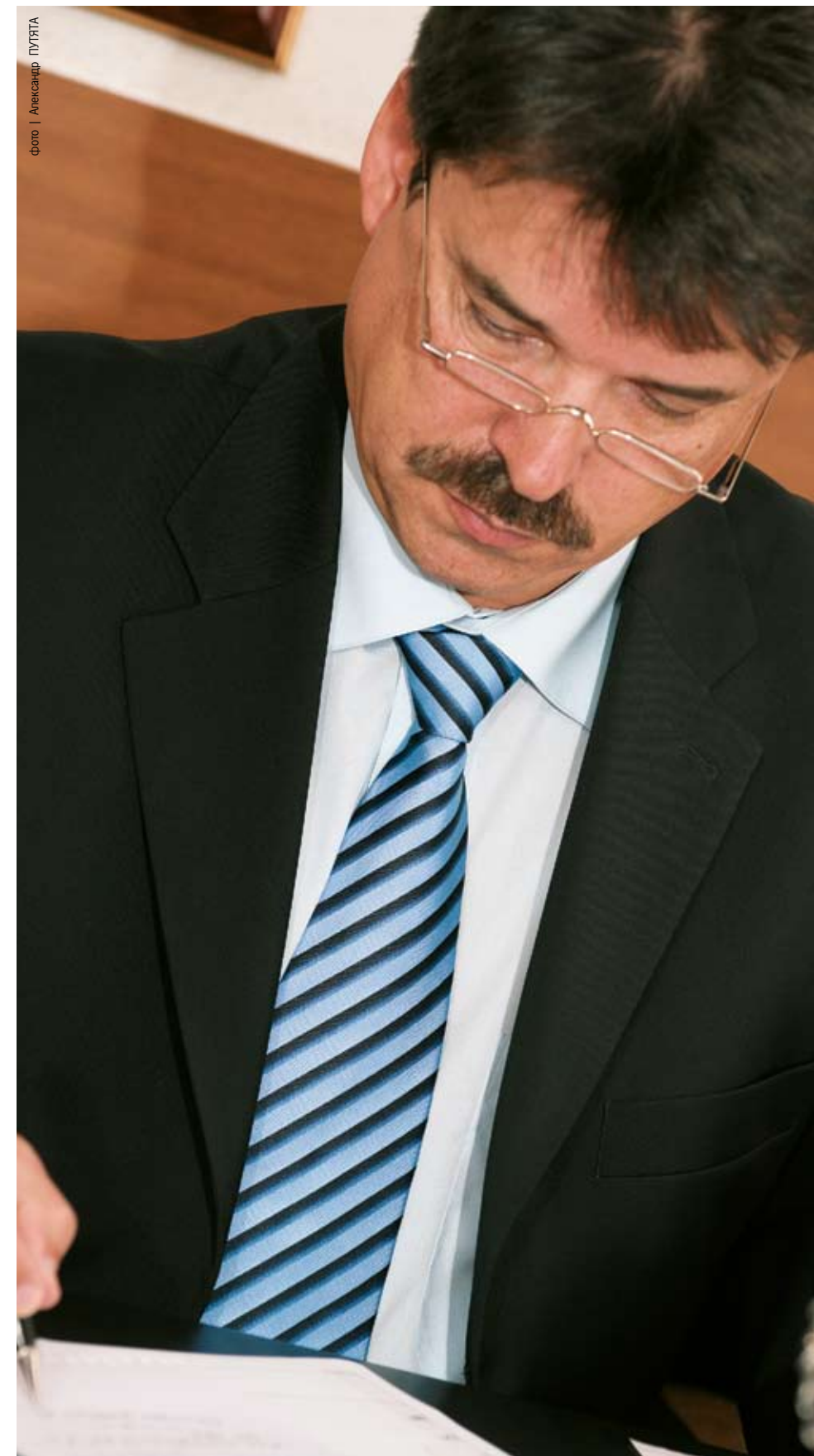

фото | Александр ПУГЯТА